

ИВАНОВ Олег Борисович — руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов (129063, Россия, г. Москва, пр-кт Мира, 72, оф. 1208; collegiato@gmail.com), заслуженный юрист Московской области

О КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АКТУАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Вертикализация политических отношений усилила процесс утраты классическими политологическими терминами своего институционально-функционального предназначения. Статья посвящена рассмотрению роли государства в управлении конфликтами в условиях различных политических режимов. Автор предпринимает попытку выявить идентификационные признаки политических режимов сквозь призму конфликтологического подхода, где конфликты являются источником нарушения созданного властью социального порядка. Показана многослойность конфликтов в современном обществе, определяемая имитацией демократических институтов при авторитарной модели политического управления. Это приводит к вытеснению на периферию управленческих практик и процедур устранения системных конфликтов и откладыванию принципиальных решений по корректировке конфликтной реальности.

Ключевые слова: конфликт, демократизация, политический режим, государство, гражданское общество, политические партии, моноцентризм, оппозиция, централизация

В политических науках направление, связанное с изучением политических режимов, является одним из самых разработанных и динамично развивающихся. На современном этапе политологи говорят о «третьей волне» исследовательского интереса к недемократическим режимам [Gerschewski 2013: 19]. Каждая из предыдущих волн во многом являлась реакцией на рост числа авторитарных режимов в мире и сокращение числа демократий.

Любопытные данные: согласно исследованию аналитического центра *Freedom House*, с 2001 по 2012 гг. разница между числом демократических режимов и авторитарий осталась неизменной при несущественных вариациях. Так, из 192 государств мира в 2001 г. «свободные» страны составляли 47,7%, «частично свободные» — 30,2% и «несвободные» — 25% [Freedom... 2001]. Спустя 10 лет ситуация существенно не изменилась. В докладе относительно итогов политического развития 2012 г. из 195 исследуемых стран «свободными» эксперты организации признали 46,1%, «частично свободными» — 29,7% и «несвободными» — 24,1% [Freedom... 2013].

Несмотря на это, существует огромное число определений различных политических режимов, большинство которых строятся вокруг таких концептуальных понятий, как «демократия», «авторитаризм» и «тоталитаризм». Примечательно, что чем более глубоко изучается эта тема исследователями, тем разнообразнее вариативность формулировок и тем сложнее четко определить предмет исследования. Это объективно приводит нас к мысли об отсутствии единой концепции, единого понимания происходящих процессов. Трудно не согласиться с мнением, что на современном этапе даже в академической науке разные виды политических режимов все более превращаются в некие общепринятые абстрактные слоганы, лишённые какого-либо конкретного содержания. Так, например, формально институты и процедуры конкретного режима в отдельно взятой стране или группе стран могут быть вполне демократическими. Однако на деле некоторые признаки демократии очень трудно проверить на функциональность.

Еще несколько десятилетий назад политические процессы в Бразилии и других странах Латинской Америки, изменения, происходившие в Советском Союзе, давали исследователям определенную надежду на то, что существовавшая в тот

момент модель либеральной (западной) демократии победила как идеология и приход к ней остальных государств — это вопрос времени. Однако уже сегодня такая постановка вопроса едва ли воспринимается серьезно. В связи с этим перед наукой встали проблемы, связанные с тем, что западные либеральные демократии не обязательно являются «конечной точкой» на демократическом пути, но только одним из множества вариантов развития, причем не всегда развития демократического [Шитова 2014: 101].

Так, в ряде стран демократический транзит эмпирически наблюдаем — в них нет перехода к консолидированной демократии [Puhle 2005: 6]. Следовательно, здесь имеет место не транзит, а изменение режима с неясным исходом (от одного недемократического состояния к другому, также недемократическому) [Croissanta 2004: 156].

Такие изменения политического режима породили новый режим — гибридный, который нельзя назвать ни в полной мере авторитарным, ни в полной мере демократическим. Феномен гибридного политического режима, с одной стороны, вызывает самое пристальное внимание большого числа ученых, а с другой — формирует концептуально разные подходы к тому, как анализировать данные режимы и как их называть. Это, в свою очередь, отражает объективно неустоявшийся характер предмета исследования¹.

Итак, с одной стороны, есть демократия и ее описание (разные концепты), с другой стороны, есть авторитаризм. Часть исследователей полагают, что в «переходных» странах никакой транзит не завершился и они находятся в авторитарной стадии, только у них авторитаризм особого рода. И придумывают ему различные названия: мягкий, новый, корпоративный, государственный, капиталистический². Другие говорят о чем-то среднем и используют различного рода гибридные режимы без упоминания слов «демократия» и «авторитаризм» (например, моноцентризм, плебисцитарно-бюрократический режим и т.п. [Зудин 2004; Холодковский 2009: 12]. Третьи же утверждают, что наблюдается демократия, но особого рода — неконсолидированная, и придумывают также свои определения: сверхуправляемая демократия, суверенная демократия, управляемая демократия, *delegative* и т.п. [Petrov, Lipman, Hale 2010; Surkov 2009: 10; O'Доннелл 1994].

Однако наиболее распространенным в литературе решением данной исследовательской проблемы является производство новых концептов со словом «демократия» (так называемые демократии с прилагательными).

Одними из первых на это явление обратили внимание Д. Кольер и С. Левитски в своей работе «Демократия с прилагательными: концептуальная инновация в компаративистике» [Collier, Levitsky 1997: 440], написанной в 1996 г. Они же обозначили примерное число всех «демократий с прилагательными», насчитав более 500 моделей (т.е., существенно больше, чем существует стран). Вслед за ними разные авторы (преимущественно зарубежные) проводят соотношения гибридных режимов и места «демократий с прилагательными в них» [International Actors... 2009: 230; Diamond 2002: 25; Bogaards 2009: 411; Merkel 2004: 39] или пытаются сформулировать научные подходы, связанные с концептуализацией и измерением демократий [Munck, Verkuilen 2002: 17].

Сегодня между авторитарным и демократическим режимами размытого (современного) типа не существует четкой границы. Проведение такой границы всегда субъективно. Существующие типологии политических режимов, таким

¹ Шульман Е. Царство политической имитации. — *Официальный сайт электронного периодического издания «Ведомости»*. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/08/15/carstvo-imitacii> (проверено 24.02.2017).

² См., напр.: Мусаев Б. Новый авторитаризм. 1991–1992. — *Официальный сайт проекта «ЦентрАзия»*. Доступ: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1188852180> (проверено 24.02.2017).

образом, теряют четкость, размываются, что негативно сказывается на научной составляющей. Получается, что каждый исследуемый концепт имеет некий набор признаков, в большей или меньшей степени отличающий его от других концептов, однако каждый новый концепт, как правило, совершенно не опирается на предыдущие исследования. В итоге существенная часть концептов, изобретаемых, используемых и описываемых в современном политологическом дискурсе, взаимозаменяемы, т.к. апеллируют к совпадающим наборам признаков. В итоге большое число кейсов, охватывая лишь какой-то спектр проблемы, еще больше запутывают понимание того, что же такое политический режим. В результате возникают неясности, путаница политологического дискурса, существенно затрудняющие понимание исследуемых феноменов.

Современные исследователи склоняются к тому, что наблюдаемые сегодня процессы являются уникальными, разворачиваются одновременно в социокультурной и институциональной сферах. Вполне логично, что такого рода явления, в т.ч. в части типологии современных политических режимов, ставят на повестку дня вопрос о выработке принципиально новых инструментов для их изучения [Королев 2016: 23].

Политические режимы олицетворяют собой определенную государственную политику, реализуя тот или иной политический курс. Государство влияет на характеристики политического режима, определяя его содержание, принципы и индивидуальные черты, отражая характер и способы взаимоотношения власти, общества и личности.

Историческая и политическая практика крайне редко отражает идеальные типы политических режимов. Преимущественно она связана с их эволюцией, когда имеет место смешение приемов, способов и средств осуществления государственной власти. Логично утверждать, что такая эволюция носит сложный характер и едва ли сегодня может быть описана с помощью традиционных терминов, таких как «демократия», «авторитаризм» и т.д.

Сложно не согласиться с американским политологом Ш. Берман, которая в одном из своих интервью подчеркивала: «Любые определения — это всегда некие идеальные типы. Они используются, чтобы помочь нам понять разницу между политическими режимами. Почти невозможно найти страну, которая соответствует всем классическим характеристикам, в той или иной степени все оценки приближительны... Если то или иное определение или категория помогает понять, как режим работает, — используйте. А если только запутывает ситуацию — избавьтесь от него, поскольку предполагается, что любое определение должно вносить ясность»¹.

Например, современная Россия — одна из многих стран, где сложились так называемые гибридные режимы, сменившие прежние автократии. У нас существуют несколько партий и проводятся формально свободные выборы, однако большинство демократических институтов носят пока еще имитационный характер — эдакие «потемкинские» демократии, прикрывающие авторитарное правление, которое, однако, тоже «потемкинское». Репрессии в таких режимах также по большей части имитационные: не чтобы физически уничтожить противника, а чтобы нагнать страха в его ряды².

¹ Подробнее об этом см.: Россия движется к авторитаризму, а не к демократии. — *Официальный сайт ИА «Росбалт»*. Доступ: http://www.rosbalt.ru/world/2017/01/17/1583514.html?utm_source=Plista_test (проверено 24.02.2017).

² Подробнее об этом см., напр.: Гибридные режимы и спор на повышенных тонах. — *Официальный сайт ИА «Росбалт»*. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/01/13/1582996.html> (проверено 24.02.2017); Гибка, как гусеница, гибридная Россия. — *Официальный сайт ИА «Росбалт»*. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/01/02/1579820.html> (проверено 24.02.2017); Гибридный или авторитарный? Политологи спорят о режимах России и Украины. — *Официальный сайт ИА «Знак»*. Доступ: https://www.znak.com/2017-01-06/gibridnyy_ili_avtoritarnyy_politologi_sporyat_o_rezhimakh_rossii_i_na_ukraine (проверено 24.02.2017).

Думается, следует согласиться с утверждением некоторых исследователей, что с приходом к власти В.В. Путина в политическом режиме России нашли проявление как авторитарные, так и демократические тенденции. Важной особенностью этого политического режима выступает политика моноцентризма: она способствует минимизации политических конфликтов, помогает использовать потенциал всего общества [Хазов 2012: 110].

Важной чертой современного российского моноцентризма исследователи считают специфику сложившейся партийной системы¹. Процесс вертикализации политических отношений превратил партийную систему в псевдопартийную, лишив партии любой возможности брать под свой контроль законодательную и исполнительную государственную власть. В процессе построения управленческой вертикали политические партии из негосударственных институтов были превращены в один из инструментов «управляемой демократии», призванный помочь главе государства и его ближайшему окружению сосредоточить в своих руках максимум властных полномочий. При этом ни сам президент, ни члены его группы не полагаются на партии и взаимодействуют с ними только в силу понимания их инструментальной роли, заключающейся в предотвращении возможной дестабилизации политической ситуации в результате нарушения властных пропорций [Трофимов 2014: 109; Анашвили 2009: 256; Мелешкин 2008: 129].

Безусловно, политическая модернизация в России не завершена. Она зашла далеко в создании демократических институтов, правда, действующих во многом номинально и обслуживающих больше интересы правящей политической элиты, чем граждан, о чем свидетельствуют масштабная коррупция, бюрократия, формализм в осуществлении демократических ценностей Конституции РФ. Но эти институты в государстве есть, как и базовые институты гражданского общества. Есть и авторитаризм, поскольку политическая система недостаточно открыта, а реальная власть во всех ее ветвях осуществляется в соответствии с волей одного человека — президента РФ и выстроенной им вертикали власти. В России имеется единственный источник стабильности развития и определенной государственной политики — исполнительная власть, точнее, глава государства [Дорожкин 2016: 15]. При этом важно отдавать себе отчет в том, что современная российская модель политического режима не испытывает серьезного кризиса. Она не исчерпала своей эффективности и доверия электората, не теряет свою привлекательность в общественном сознании.

Безусловно, описанная схема — далеко не только российская специфика. Манипулятивные режимы, лишь внешне сохраняющие демократические формы, перестали быть периферийной экзотикой. Лондон, Вашингтон, Париж хоть и зашли не так далеко, но движутся именно по этому пути, и насколько далеко зайдут — неизвестно. Даже в странах с мощной традицией народоправления переход может оказаться быстрее, чем думают, особенно когда в воздухе носятся страхи перед террористами, глобализацией, диктатом закулисы и прочими наваждениями XXI в.² Просвещенная и полупросвещенная части мира принялись вдруг стремительно меняться и становятся совсем не такими, какими их привыкли видеть последние поколения. Кризис исповедующих политкорректность руководящих верхушек более или менее равномерно охватил все богатые страны. Как и всякая тоталитарная идеология, политкорректность на нынешнем своем излете превратилась в инструмент для сокрытия накапливающихся проблем. Это

¹ Политическая система России после путинских реформ. — *Официальный сайт проекта «Полит.ру»*. Доступ: http://polit.ru/article/2005/01/27/polit_system/ (проверено 24.02.2017).

² Всемирная прохиндиада-2016. — *Официальный сайт ИА «Росбалт»*. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/07/27/1535630.html> (проверено 24.02.2017).

значит, что западный, а следовательно и мировой кризис первых десятилетий XXI в. еще не дошел до своей высшей точки¹.

В российской политической науке одной из самых развернутых и обоснованных концепций сущности переходных режимов в странах постсоветского пространства можно признать теорию режима-гибрида, выдвинутую Л. Шевцовой, которая указывает, что основная сложность в определении российской политической системы связана с многослойностью конфликтов и противоречий, которые в ней заложены, и невозможностью отразить их в одном определении. Одной из главных характеристик режима в России она считает «несовпадение между каркасом власти, ее организационной структурой и внутренним содержанием, реальными механизмами, в которых решающую роль играют теневые отношения» [Шевцова 1999: 173].

Возвращаясь к вопросу о сложностях терминологии: ряд исследователей склонны называть сложившийся в России и ряде стран бывшего СССР политический режим «персоналистско-корпоративно-охранительным» [Тян 2016: 61]. А известный социолог В. Шляпентох составил яркую палитру ярлыков, целую «компанию дискурсивных страшилок», описывающих политико-экономическую структуру российского общества — от «избираемой монархии» и «демократической формы царизма» до «клептоманного капитализма» и «рыночного большевизма» и, конечно же, «путинизма» [Шляпентох 2008: 112]. И это тот случай, когда само звучание предлагаемых терминов иллюстрирует сложность происходящих процессов и неоднозначность попыток описать их, используя исключительно сложившиеся в политологической науке понятия и приемы.

Конечно, число подобных коннотаций можно умножить, но дело не в них как таковых (как правило, эти политологические конструкты используются чуть ли не в качестве синонимов). Преобладание «метафорических» определений свидетельствует, что сущность современной политико-экономической системы еще не раскрыта и она, следуя известному афоризму Черчилля, остается «загадкой, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки»².

В связи с этим исследователи пытаются найти принципиально новые подходы к проблеме, в т.ч. путем разработки актуальной типологии политических режимов. Несмотря на то что пока эти работы относительно немногочисленны, они представляют определенный интерес. В качестве перспективного направления представляется попытка определить политический режим через призму возможностей и способностей конкретного государства эффективно управлять внешними и внутренними конфликтами.

В таком подходе есть внутренняя логика и существенный научный потенциал. Политические практики в сфере «работы с конфликтами» в известной степени свидетельствуют об актуальной сущности политического режима, в т.ч. демонстрируют его скрытые черты. С другой стороны, специфика конфликтных взаимодействий в политической сфере определяется политическим режимом. Здесь важно получить ответы на такие вопросы, как, например, постулируется ли конфликт основными акторами как ценность? Осмысливают ли акторы себя, рефлектируя и структурируя конфликтные взаимодействия? Демонстрируют ли они готовность к компромиссам, взаимным уступкам и переговорам, или конфликты подавляются властью, которая стремится снять конфликт «вручную» — различными сдерживающими или репрессивно-силовыми технологиями?

Любой процесс взаимодействия людей, объективно отличающихся друг от

¹ Мины XXI века. — *Официальный сайт ИА «Росбалт»*. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/12/06/1573486.html> (проверено 24.02.2017).

² *The Churchill Society London*. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/RusnEnig.html> (accessed 24.02.2017).

друга, неизбежно ведет к возникновению конфликтов. Конфликтное взаимодействие рациональных (т.е., стремящихся к максимизации степени удовлетворения своих предпочтений) индивидов порождает необходимость согласования их предпочтений, которое позволило бы снизить издержки конфликта. Конечным результатом такого согласования является создание институтов (правил), устанавливающих ограничения в отношениях сторон конфликта и обеспечивающих соблюдение правил взаимодействия.

Таким образом, через понятие конфликта и умения управлять им как принципиальной точки для актуальной типологии политических режимов исследователи выходят на понятие стабильности.

В политической практике стабильность элиминирует конфликт как механизм поиска вариантов развития. Изгнание конфликта из политических институтов, которые были изобретены как раз для урегулирования конфликтов, чтобы не позволить им обостряться до насильственных форм, проецируется на отрицание необходимости конфликта как такового, несмотря на его очевидный созидательный потенциал.

Обоснованной представляется, например, позиция О.Н. Яницкого [Яницкий 2013: 231], который утверждает, в частности, что стабильность как господствующая идеологема означает, что общественное развитие планируется и контролируется только государством. Всеобщая стабильность – это, по существу, отрицание разнообразия, которое в действительности является ключевым условием поддержания стабильности общества посредством изменений, т.е. его адаптации к новым условиям.

Сложно не согласиться с мнением, что власть при таких режимах находится в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят неконтролируемую дестабилизацию. Эта опасность подавляется вторжением в конфликты на нижних уровнях, созданием специальных органов контроля, слежки и подавления. Однако на практике наступает момент, когда эффект государственного подавления конфликтов порождает еще большую дезорганизацию. Общество не в состоянии превратить множество конфликтов в стимул развития диалога. Власть, опасаясь конфликтов, гасит их, направляя свою силу против самого конфликта, а не на защиту его сторон. Логика функционирования подобной модели приводит не только к вытеснению на периферию управленческих практик и процедур устранения системных конфликтов и конструктивных напряжений, но и к неизменному откладыванию принципиальных решений по корректировке социальной реальности «на потом» [Ильин, Панарин, Ахиезер 1996: 178].

Как полагает, например, З. Бауман, общество обречено на умирание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов не восполняется новыми институтами неформального общения и социального контроля [Бауман 2002: 69].

Известные исследователи Д. Асемоглу и Д. Робинсон отмечают, что экономические и политические институты выбираются не всем обществом, а группами, контролирующими в данный момент политическую власть. Группы же выбирают такие экономические институты, которые имеют целью не повышение благосостояния общества в целом, а максимизацию их собственной ренты. С точки зрения социального конфликта выбор конкретных политических и экономических институтов зависит от того, кто обладает политической властью создавать или блокировать их создание. Иными словами, власть навязывает обществу принципы социального порядка, необходимого элите для самосохранения. При этом «стабильными» экономическими и политическими институтами «будут те, которые максимизируют кусок пирога, достающийся влиятельным группам, а не общий размер пирога» [Acemoglu, Johnson, Robinson 2005: 399].

Например, существует проблема огромного разрыва в доходах разных слоев населения. В Швейцарии, Норвегии, Дании, Финляндии разрыв в доходах между 10% самых обеспеченных и 10% самых бедных граждан колеблется от 4 до 6 раз, во Франции и Великобритании – от 8 до 12 раз, в США – от 12 до 14 раз. В России 1% самых богатых получает 40% всего национального дохода, занимая лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах (по некоторым оценкам, число россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12%). Для сравнения: даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% дохода [Шкаратан 2011: 72; Григорьев, Салмина 2013: 11; Костылева 2011: 115].

В Великобритании, например, если разрыв в доходах достигает 10 раз, собирается чрезвычайная сессия парламента. В России же, по данным Росстата, разрыв достигает 16,7 раза, а по результатам социологических замеров он почти в 2 раза больше¹, но внятная государственная программа, реальные политические практики отсутствуют.

Столь конфликтное распределение национального дохода в любом обществе напрямую связано с таким фактором, как справедливость. Уместно вспомнить, что фундаментальный конфликт, предполагающий непримиримость противоречий между сторонами, начинается вовсе не потому, что одни люди считают, что другие получают больше денег. Он начинается тогда, когда стороны взаимно ставят под сомнение человеческую порядочность оппонентов, когда у этих людей возникает убеждение, что другие получают больше денег недостойным образом, непорядочно, незаслуженно.

Современное общество склонно рассматривать власть одновременно и как генератор неопределенности, и как силу, способную справиться с управлением конфликтами. Парадоксально, но, чтобы оставаться надеждой и опорой, власть, сохраняя свою стабильность, должна создавать и поддерживать контролируемые очаги нестабильности [Алейников, Пинкевич 2015: 92]. Именно эту ключевую особенность власти и предлагается положить в основу новой типологии политических режимов.

Безусловно недопустимой для эффективного политического режима является ситуация крайней асимметричности в распределении прав и обязанностей между элитой, сконцентрированной на личном обогащении, и населением, «простыми гражданами»: что разрешено первому, второму запрещено. Диспропорции в распределении прав и обязанностей между властителями и подчиненными не должны быть доведены до крайних форм, когда права сконцентрированы на одном полюсе взаимоотношений, а обязанности – на другом.

Изучая государства, чей актуальный политический режим не нацелен на эффективное управление конфликтами, представляется разумным согласиться с исследователями, выделяющими следующие характеристики таких государств:

- конфликтную композицию властных институтов из разных исторических эпох, разных социальных систем; противоречия новых социальных организаций и форм взаимодействия (бизнес, массовые коммуникации, образцы потребления и образы жизни) и неизменности структур власти;
- роль главы государства как верховного арбитра в конфликтах между ведомствами и кланами, который исходит из неписаных норм, а не является гарантом всеобщего интереса;
- осуществление функции согласования различных интересов через механизм распространения этнических, региональных, конфессиональных и тому подобных связей на политическую сферу;

¹ Горшков М.К. Центр тяжести. – *Литературная газета*. Доступ: <http://www.lgz.ru/article/-15-6458-16-04-2014/tsentr-tyazhesti> (проверено 24.02.2017).

– персонализированный характер политического управления конфликтами, его слабую рационализацию, при которой изначально второстепенны все властные институты конфликто разрешения;

– лишение элементов политической системы традиционной практики согласований и координации; они имеют пересекающиеся функции, что порождает пренебрежение к установленным процедурам;

– фрагментацию государства на кланы, которые находятся в состоянии непрекращающихся внутривластных конфликтов, при этом такие конфликты находятся под контролем со стороны государства;

– урегулирование конфликтов частным образом, основанное на принципе принадлежности группе интересов, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей;

– регулировку конфликтного поведения в обществе и государстве неписаными правилами, не зафиксированными в официальном праве. Граждане и властные органы в условиях конфликта действуют не на базе закона, а на основе личных отношений. При этом государство не выполняет роль арбитра в конфликтах. Реальным фактором для урегулирования конфликтов является не закон, а способность одной из сторон конфликта обеспечить свои интересы в конфронтации [Алейников 2014а: 90].

Справедливо выделяют два типа конфликтного стиля общества, которые весьма иллюстративны в рамках рассматриваемой темы. Один стиль, постоянно реконструируя конфликты, не допуская острых вспышек, раскручивает спираль социальной реконструкции и приводит к внедрению нового социального комплекса. Конфликт выполняет функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений. Предоставляя обеим сторонам возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований, такие социальные системы могут изменить свою структуру и элиминировать источник недовольства. Свойственный им плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство.

Другой стиль, выстраивая такую конфигурацию разрешения конфликтов, которая обеспечивается насильно, путем вмешательства власти, может положить начало спирали социального разрушения, привести к упадку и полной дезинтеграции общества [Алейников 2014б: 49].

Актуальными в этой связи представляются рассуждения А. Турена. Его методология базируется на одновременном учете и взаимосвязанном рассмотрении конфликта и порядка как двух равноценных состояний общества, сменяющих друг друга. Элиминация любого из них существенно искажает результаты анализа: «Повсюду, где существует порядок, должно существовать его оспаривание... Формирующиеся конфликты все более направляются против “суперструктур” или, проще говоря, против порядка, ибо новая власть обладает ранее неизвестной способностью придавать себе видимость порядка, господствовать над социальной организацией в целом, над разновидностями социальной практики, вместо того чтобы запереться в укрепленных замках, дворцах или финансовых городах. Мы входим в общество, которое не может более иметь конфликты: или последние задавлены в рамках авторитарного порядка, или общество осознает себя как конфликт, оно является конфликтом, потому что оно представляет собой просто борьбу противоположных интересов за контроль над способностью общества воздействовать на самого себя» [Турен 1998: 38].

Резюмируя сказанное выше, отметим, что на современном этапе в политической науке предприняты самые разные исследовательские стратегии и подходы в попытках классификации многообразия политических режимов. До сих пор у политологов не появился свой Д. Менделеев (и есть все основания полагать, что

он так и не появится), и дискуссии о наиболее эффективной релевантной классификации продолжаются [Шкель 2013: 134].

Процессы социально-политических трансформаций многоплановы, полиаспектны, представляют собой, образно говоря, запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах. В связи с этим предложенная теоретическая разметка не претендует на универсальность. Идея анализа общества через призму устойчивости к масштабу конфликта, который она может выдержать, — это базовый уровень политического реализма. Однако именно такой подход к исследованию феномена политических режимов в современных условиях представляется весьма перспективным. При его исследовании совершенно точно не следует ограничиваться рамками отдельно взятых стран или территорий.

Список литературы

Алейников А.В. 2014а. Разломы и трещины: конфликтологический дизайн современной России. — *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 6. Политология. Международные отношения. № 4. С. 83-93.

Алейников А.В. 2014б. Конфликтная модель России: «Прошлое завтрашнего настоящего». — *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. № 1. С. 43-54.

Алейников А.В., Пинкевич А.Г. 2015. Конфликтная специфика гибридных политических режимов: российский случай. — *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. № 3. С. 85-95.

Анашвили В.В. 2009. Демократия в современном мире. Случай России. — *Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 года*. Первый ежегодный доклад Института общественного проектирования. М.

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

Григорьев Л.М., Салмина А.А. 2013. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения. — *Социологический журнал*. № 3. С. 5-21.

Дорожкин Ю.Н. 2016. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? — *Власть*. № 8. С. 14-18.

Зудин А.Ю. 2004. Политический моноцентризм в России: от режима к системе. — *Пути России: существующие ограничения и возможные варианты*: сборник (под ред. Т.Е. Ворожейкина). М.: Московская высшая школа соц. и экон. наук. С. 86-96.

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. 1996. *Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса*. М.: Изд-во МГУ. 400 с.

Королев П.А. 2016. Амбифакторная методика анализа демократического транзита на постсоциалистическом пространстве (часть I). — *Известия Тульского государственного университета*. Сер. Гуманитарные науки. № 3. С. 22-31.

Костылева Л.В. 2011. *Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование*. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН. 223 с.

Мелешкин И.Г. 2008. Идеологический фактор в современной российской партийной системе. — *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Сер. Общественные и гуманитарные науки. № 49. С. 128-129.

- О'Доннелл Г. 1994. Делегативная демократия. — *Пределы власти*. № 2-3. С. 52-69.
- Трофимов Е.А. 2014. Субинституционализация политических партий в России. — *Теория и практика общественного развития*. № 19. С. 108-110.
- Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир. 206 с.
- Тян В.В. 2016. Особенности эволюции политического режима в парадигме системного кризиса и страновой идентификации (концептивно-парадигмальный подход). — *Власть*. № 2. С. 57-63.
- Хазов А.М. 2012. Характеристика политических режимов в постсоветской России. — *Власть*. № 2. С. 109-112.
- Холодковский К. 2009. К вопросу о политической системе современной России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 7-22.
- Шевцова Л. 1999. *Режим Бориса Ельцина*. М.: Московский Центр Карнеги. 511 с.
- Шитова Е.Н. 2014. «Демократии с прилагательными» в политологическом дискурсе. — *Известия Саратовского университета*. Сер. Социология. Политология. № 3. С. 98-103.
- Шкаратан О. 2011. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом контексте. — *Мир России*. № 4. С. 68-88.
- Шкель С.Н. 2013. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. — *PolitBook*. № 4. С. 120-139.
- Шляпентох В. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры*. М.: Столица-Принт. 328 с.
- Яницкий О.Н. 2013. *Социальные движения: теория, практика, перспектива*. М.: Новый хронограф. 360 с.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. 2005. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. — *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1A. P. 385-472.
- Bogaards M. 2009. How to Classify Hybrid Regimes? Defective Democracy and Electoral Authoritarianism. — *Democratization*. No. 2. P. 399-423.
- Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. — *World Politics*. No. 49 (April). P. 430-451.
- Croissant A. 2004. From Transition to Defective Democracy: Mapping Asian Democratization. — *Democratization*. Vol. 11. No. 5. P. 156-158.
- Diamond L. 2002. Thinking about Hybrid Regimes. — *Journal of Democracy*. № 2. P. 21-35.
- Freedom in the World 2001. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2001> (accessed 24.02.2017).
- Freedom in the World 2013. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2013> (accessed 24.02.2017).
- Gerschewski J. 2013. The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Cooptation in Autocratic Regimes. — *Democratization*. Vol. 20. No. 1. P. 18-25.
- International Actors, Democratization and the Rule of Law: Anchoring Democracy?* (ed. by A. Magen, L. Morlino). 2009. N.Y.: Routledge. 292 p.
- Merkel W. 2004. Embedded and Defective Democracies. — *Democratization*. Vol. 11. No. 5. P. 33-58.
- Munck G., Verkuilen J. 2002. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices. — *Comparative Political Studies*. No. 1. P. 5-34.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E. 2010. Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. — *Carnegie Endowment for International Peace*. Paper № 106.
- Puhle H. 2005. Democratic Consolidation and «Defective Democracies». — *Universidad Autonoma de Madrid*. Working Paper. No. 47. P. 1-20.

Sukov V. 2009. Nationalization of the Future: Paragraphs pro Sovereign Democracy. – *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 47. No. 4. P. 8-21.

IVANOV Oleg Borisovich, Head of the Center for Arrangement of Social Conflicts (of. 1208, 72 Mira Ave, Moscow, Russia, 129063; collegiamo@gmail.com), Honored Legist of Moscow Region

CONFLICTOLOGICAL APPROACH TO THE ACTUAL TYPOLOGY OF POLITICAL REGIMES

Abstract. The verticalization of political relations has strengthened the process of losing by classical political science terms their institutional and functional designation. The article is devoted to the consideration of the role of the state in the arrangement of conflicts under different political regimes. The author attempts to expose the identification features of political regimes through the prism of a conflict approach, where conflicts are a source of violation of the social order created by the government. The author shows in details a multi-layered conflict in the modern society, determined by the imitation of democratic institutions under the authoritarian model of political management. This leads to marginalization of management practices and procedures for eliminating systemic conflicts and postponing the principal decisions to correct the conflictual reality.

Keywords: conflict, democratization, political regime, state, civil society, political parties, monocentrism, opposition, centralization

ГРИГОРЯН Давид Кромвелович – кандидат политических наук, докторант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54; davo-davo23@mail.ru)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛИДЕРА В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция лидерско-элитного властного позиционирования в рамках иерархической системы властных отношений (вертикаль власти) в контексте обозначившейся мировой политической динамики. Автор отмечает изменение модели лидерской репрезентации ведущего руководителя государства (В.В. Путин) от конститuentной к трансформационной (по Дж. Бернсу). На основе данных экспертного опроса показаны параллельные изменения на регионально-элитном уровне в их сопутствующих и препятствующих аспектах.

Ключевые слова: лидерско-элитное позиционирование, иерархическая система, полиархическая система, конститuentная модель, трансформационная модель

В глобальной и российской политической ситуации в последние годы наметились значительные изменения в аспекте лидерско-элитного позиционирования. В существенной мере (если не в первую очередь) они выступают в качестве управленческой проекции складывающейся мировой динамики. Речь идет об ускоренном структурировании и значительном возрастании влияния политических акторов локально-цивилизационного и регионального уровня и перераспределении политико-экономических полюсов и в мировой, и в национально-государственной динамике. Отсюда все возрастающая востребованность политических лидеров нового-старого типа – лидерских типажей, которые, казалось